

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет исторических и политических наук

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕГОДНЯ: НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ ПРОШЛОЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ

**Сборник материалов XVI Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 21–23 апреля 2021 г.)**

Выпуск 16

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

М.В. Герасимов

**«КРАСНЫЕ ИЛИ ТРЁХЦВЕТНЫЕ?»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВЛАСТИ
В ПЕРВЫЕ ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА)**

В работе рассматривается процесс легитимации новых властных структур в Томске через формирование властной топографии в переломную для страны эпоху. Отмечается, что одним из механизмов реализации нового властного дискурса являлось использование городских мест памяти, потерявшие своё прямое функциональное назначение и ставшие частью актуальной политической жизни в городе.

Ключевые слова: постсоветские годы, Томск, городское пространство, «Мемориал», места памяти

Процесс распада советских политических и идеологических структур в 1991 г. катализировал деятельность различных социальных субъектов и институтов, репрезентирующих различный спектр установок в отношении недавнего прошлого. В данном контексте важным и одним из наиболее обсуждаемых вопросов стала тема советского символического наследия, сосредоточенного в городском пространстве новой власти. Данное пространство следует рассматривать как поле упорядоченных и выстроенных в соответствии с некоторым замыслом политических репрезентаций в виде устоявшихся символических элементов (топонимика, праздники, мемориальные места). В реалиях первых постсоветских лет представители новых политических структур не только применяли акты символического действия, но и вовлекали значимые места городского пространства в реализацию властного дискурса с целью собственной легитимации [1. С. 266].

Цель работы – определить основные векторы формирования постсоветского политического пространства города Томска. Основным источником выступили материалы региональных периодических изданий, активно использовавшиеся в качестве средств агитации и идеологической борьбы различными субъектами в политическом пространстве постсоветского времени. Например, газеты «Красное знамя» и «Народная трибуна» придерживались левоцентристских позиций и отражали интересы бывших руководителей промышленных государственных предприятий и партийных лидеров. В свою очередь, газета «Томский вестник», учрежденная представителями томского горсовета, придерживалась правоцентристских позиций и поддерживалась демократическими организациями и депутатами. Соответственно, сами материалы периодической печати могут выступать в качестве особого идеологического поля, на котором разворачивалась символическая борьба различных общественно-политических сил.

Процесс острой политической борьбы в 1990–1992 гг. обуславливал представителей властвующей элиты участвовать в использовании и интерпретации коллективного прошлого [2. С. 182]. В пространстве Томска одним из ключевых агентов в области работы с недавней советской историей выступило созданное 10 декабря 1988 г. историко-просветительское общество «Мемориал». Его руководители во-многом определяли контуры публичного пространства, оказывавшего существенное влияние на символические стратегии томских политиков. В частности, уже в июне 1989 г. в сквере напротив здания горисполкома был заложен закладной «Камень Скорби» в память о жертвах сталинизма, после чего по решению облисполкома был объявлен конкурс на составление проекта будущего мемориального комплекса. «Открывая траурный митинг, – писали в газете «Красное знамя», – первый секретарь Томского горкома КПСС В.М. Ке-

тов сказал, что в расположенном рядом здании бывшего НКВД творились беззакония. От этих фактов истории отвернуться нельзя, об этом надо помнить всегда» [3. Л. 2].

Пространство сквера напротив здания городской администрации оказалось вовлечено в реализацию властного символического дискурса, связанного не только с тотальным отрицанием советского прошлого, но и с обращением к «золотому веку» дореволюционного времени. В частности, это проявлялось при обсуждении того, какие архитектурные объекты оформят будущей мемориальный комплекс. Так, в 1990 г. в Томске был проведен открытый конкурс на проект памятника жертвам политических репрессий, среди представленных 20 проектов, общественное жюри выбрало проект памятника в виде православной часовни, который, в свою очередь, не удалось реализовать из-за протеста мусульманской общины Томска и финансовых проблем в городе. В конечном счёте, основой памятника жертвам политических репрессий стал закладной камень, над которым возвышалась мраморная арка. Данный проект архитектора В.Ф. Косоногова был открыт и освящен 25 октября 1992 г. в присутствии городских жителей и представителей властных структур, подписавшие акт о принятии памятника на баланс городской администрации [4. Л. 1].

«Открытие памятника происходит в тяжёлое для нас время, – говорил в своей вступительной речи при открытии памятника сопредседатель «Мемориала» Н.В. Кандыба, – но, давайте, сегодня отвлечёмся от наших жгучих проблем, постоим здесь и вспомним наше трагическое прошлое, а вместе с этим всех тех, кто стал жертвой большевистского террора и не только на нашей томской земле» [5. Л. 2].

Городское пространство возле здания бывшего горотдела НКВД в Томске оказалось примером места памяти, участвовавшего в формировании коллективной постсоветской идентично-

сти, причем мемориальная функция этого места теряла своё прямое функциональное значение, становясь частью реализации дискурса власти и оказывая влияние на различные символические практики новых властных структур. Важным днём для их реализации стало 7 ноября 1991 г., когда различные общественно-политические силы определяли тактики празднования 74-й годовщины Октябрьской революции, ставшего последним для советского государства. В этом контексте сквер памяти стал местом притяжения антикоммунистических сил, проводившие траурную трёхчасовую вахту у Камня скорби. «Перемены укореняются в нашей жизни, и походит на то, что дата 7 ноября навсегда поменяет красный цвет на черный, – писали об этом событии в газете «Томский вестник», – у подножья Камня скорби по традиции горели свечи, затепленные в память о жертвах большевистской власти, рядом появился импровизированный стенд с кратким экскурсом в глубины истории советского государства» [6. Л. 3].

Политическая репрезентация последователей социалистической власти в городском пространстве также была оформлена в день празднования Октябрьской революции. Представители бывших районных комитетов, областного и городского Совета ветеранов организовали шествие от площади Ленина до площади Революции, где возложили цветы у памятников. Примечательно, что сама городская власть не выработала четкой стратегии по отношению к празднованию дня Октябрьской революции. Об этом свидетельствует тот факт, что члены исполкома городского совета не могли определиться с выбором необходимой праздничной атрибутики [7. Л. 1].

Показательно, что сами участники этих мероприятий подчеркивали наличие негласной символической борьбы в городском пространстве. «Был один из годов, когда мемориальцы, бывшие политзаключенные стояли в Сквере памяти небольшой колон-

ной, а рядом люди с красными флагами... И сложилось такое, почти немое противостояние» – вспоминал один из членов общества «Мемориал» [8].

Стоит отметить, что в редких случаях городским властям удавалось обеспечивать компромиссные решения на поле символической борьбы. Так, 9 мая 1992 г., при проведении вечера, посвященного ветеранам войны, у входа в здание военной кафедры ТГУ развевались два флага – российский и красный советский. «Может быть, вешать такой флаг теперь и «не положено», – писали корреспонденты университетской газеты «Alma Mater», – но нельзя забывать, что именно с ним шли солдаты в бой, его спасали, нередко ценою жизни, от фашистских захватчиков». [9. Л. 1]. В данном контексте нельзя не согласиться с О.Ю. Малиновой, отмечавшая, что символическое значение Великой Отечественной войны в постсоветское время никем не ставится под сомнение, тогда как «Октябрьская революция вследствие реинтерпретации в медийном дискурсе стала предметом идеологической конфронтации» [2. С. 188].

Наряду с этим, новые властные структуры и общественные активисты начинали активный процесс реабилитации выдающихся деятелей дореволюционной эпохи, ставшие жертвами репрессий. Так, днём того же 7 ноября 1991 г. символическое позиционирование сторонников демократического движения продолжилось возле дома на углу пер. Нахановича и ул. Гагарина, где несколько десятков томичей при содействии местных ученых, работников музея и сотрудников «Мемориала» наблюдало за открытием мемориальной доски А.В. Андрианову – этнографу, археологу и главному редактору газеты «Сибирская жизнь» в 1917–1919 гг. Инициаторы этой акции рассчитывали на то, что подобные мемориальные практики станут первым шагом на пути к масштабному разрыву с ключевыми советскими символами в городском пространстве. «На очереди – назвать

именем Адрианова одну из улиц города, – писали местные краеведы, – с этой целью, думается, следует убрать из числа томских топонимов одиозное имя Дзержинского» [10. С. 20].

В конечном счёте, начальный этап трансформации городского политического пространства завершился в сентябре 1992 г., когда под предлогом «плановой реконструкции площади» [11. Л. 1] был разрушен крупнейший томский памятник В.И. Ленину на площади Революции, воспринимавшийся как символическое ядро, вокруг которого складывалась топография советской власти в Томске.

Подводя итоги, отметим, что в начале 1990-х гг. на уровне репрезентации власти разрыв с советским дискурсом был обозначен исключительно резко и выражался в стремлении избавиться от советской образности, обратиться к «золотому веку» дореволюционного прошлого, в частности, путём символической реабилитации жертв сталинских репрессий. Подобную идеологическую установку представители демократического движения в городских органах власти определяли в качестве доминирующей с целью маргинализировать любые коммунистические интерпретации социальной реальности. Немаловажно, что активную роль в процессе легитимации новой власти играли неполитические субъекты – учёные, работники культурной сферы, объединённые под крылом общества «Мемориал». В этом контексте на уровне властной топографии Томска начало организовываться новое пространство власти, в котором позиции маркировались необходимой мемориальной атрибутикой (мемориальные доски, красные/трёхцветные флаги, свечи, плакаты) и становились упорядоченными вокруг необходимых мест памяти, создавая, тем самым, политическую карту постсоветского Томска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болтунова Е.М. Рецепция имперского / царского пространства власти в России 1990-х – 2010-х гг. // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 261–308.
2. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // *ПОЛИТЭКС*. 2012. Т. 8, № 4. С. 179–204.
3. Эти скорбные и светлые минуты... // *Красное знамя* (Томск). 1989. 17 июня.
4. Кашеев Н. Над камнем скорби – мраморная арка // *Томский вестник* (Томск). 1992. 28 окт.
5. Вступительное слово сопредседателя Томского об-ва «Мемориал» Н.В. Кандыбы при открытии памятника // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/Pamatniki/KamenSkorbiTOMSK/Vstupitelnoe-slovo-pri-otkrytii-pamyatnika.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
6. В этот чёрный день России // *Томский вестник* (Томск). 1991. 12 нояб.
7. Красные или трёхцветные? // *Томский вестник* (Томск). 1991. 7 нояб.
8. Интервью автора.
9. 47 лет спустя // *Alma Mater* (Томск). 1992. 14 мая.
10. Пойзнер Б. Столь позднее признание // *Томская старина* (Томск). 1991. № 2.
11. Уход // *Томский вестник* (Томск). 1992. 25 сент.

УДК 316.7

В.А. Дудина

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О РЕПРЕССИЯХ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

В статье представлена сравнительная характеристика результатов социологического опроса, посвященного исторической памяти о политических репрессиях у респондентов Красноярского края в возрасте от 18 до 25 лет и от 40 до 60 лет. В результате исследования было выявлено, что старшая группа респондентов имеет более глубокие и полные представления о политических репрессиях, зачастую затрагивающих историю семьи, чем молодое поколение.